

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ В РАЗГОВОРАХ С ВСЕВОЛОДОМ НЕКРАСОВЫМ

Пенская Елена Наумовна,
доктор филологических наук, профессор Школы
филологических наук Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», г. Москва
E-mail: e.penskaya@gmail.com

Зыкова Галина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор филологического
факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: zykova@mail.ru

NIKOLAI NEKRASOV IN THE CONVERSATIONS WITH VSEVOLOD NEKRASOV

Penskaya Elena,
PhD in Philology, Doctor habilitatus, Tenured Professor,
National Research University Higher School of Economics, Moscow
E-mail: e.penskaya@gmail.com

Zykova Galina,
PhD in Philology, Doctor habilitatus, Professor,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow
E-mail: zykova@mail.ru

Аннотация. Сделана попытка описать рецепцию тем и образов поэзии Н. А. Некрасова в творчестве Вс. Н. Некрасова. На основе архивных материалов и воспоминаний реконструируются конкретные обстоятельства интерпретации Вс. Н. Некрасовым собственного отношения к Н. А. Некрасову. Одно из важных свойств поэтического слова Н. А. Некрасова сопоставляется Вс. Н. Некрасовым с заколачиванием гвоздей и проецируется на творчество других поэтов: Мандельштама, Слуцкого, Мартынова, Кривулина.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, Вс. Н. Некрасов, О. Мандельштам, Б. Слуцкий, А. Мартынов, В. Кривулин, традиция, полемика.

Abstract. An attempt is made to describe the reception of themes and images of N. A. Nekrasov's poetry in the works of Vs. N. Nekrasov. On the basis of archival materials and memoirs, the authors reconstruct the specific circumstances of Vs. Nekrasov's interpretation of his own attitude to N. Nekrasov. One of the important features of N. Nekrasov's poetic word is compared by Vs. Nekrasov to nailing and projected onto the work of other poets, such as Mandelstam, Slutskij, Martynov and Krivulin.

Keywords: N. A. Nekrasov, Vs. N. Nekrasov, O. Mandelstam, B. Slutsky, L. Martynov, V. Krivulin, tradition, polemics.

На протяжении ряда лет мы нередко разговаривали с Всеволодом Некрасовым о литературе. Эти беседы носили и целевой характер, и спонтанный. Мы постарались собрать одну из сюжетных линий в них, связанную с интерпретацией наследия и образа Н. А. Некрасова нашим собеседником.

1. Летом 1986 г. А. И. Журавлева (1938–2009), филолог, профессор Московского университета, и ее муж, поэт, эссеист, один из лидеров «Второго русского авангарда» и основателей «московского концептуализма» Вс. Н. Некрасов (1934–2009) ездили в Феодосию. Поскольку поездку не планировали заранее и все «места» были заняты, знакомые им предложили поселиться на закрытой базе, где и были зарегистрированы их фамилии. Когда Некрасов показал свой паспорт, его встретили как-то особенно тепло, вопросы не задавали. Оказалось, что слово «Некрасов» для феодосийской секретной базы — пароль, потому что там был свой Некрасов: Виктор Васильевич (1931–1995), начальник ЦКБ Красногорского механического завода, генеральный конструктор по бортовым фотографическим и оптико-электронным системам для космических комплексов, человек в тех местах известный. Он тоже предупредил: придет Некрасов. Другой. На самом деле путаницы не было. Но «наш» Некрасов заволновался, отказавшись от гостеприимства. Анна Ивановна и Всеволод Николаевич бежали, увидев весь антураж секретной территории. И в конце концов по случайному объявлению поселились в нормальной лачуге под орешником далековато от моря. Несколько позже к ним присоединился один из авторов настоящей статьи (Е. Н. Пенская).

Несостоявшееся *qui pro quo* стало импульсом в августе 1986 г. для возвращения к некрасовской теме.

Всеволод Николаевич сочинял тогда «на ходу», как он говорил, «служебные стихотворения»:

Везде Некрасов
Кругом Некрасов
Зачем Некрасов
Когда Некрасов
Всегда Некрасов
Какой Некрасов
Другой Некрасов

Или вот еще:

при чем тут Некрасов
и в самом деле Некрасов
другое дело Некрасов
готово дело Некрасов
не в курсе дела Некрасов
не в этом дело Некрасов

ср. в стихотворении «Картошкин дождь» («Вообще конечно...»), писавшемся в 1970-х гг.:

не в курсе дела
не в этом дело
не это важно
не тот Некрасов <...>

Всеволод Некрасов вспоминал, что в Мариуполе, куда он приезжал почти ежегодно со второй половины 1940-х до конца 1950-х гг. к своей тете Марии Филипповне Хлопик, рядом с фотомастерской стояла тантамареска — картонный ростовый Н. А. Некрасов с отверстием для лица, выполненный в виде каркаса, обтянутого холстом. К хрестоматийной бородке с портрета Крамского 1877 г. сандарачным клеем крепили мочалу, фотографироваться не фотографировались, а в прорезь просовывали все, что можно, в том числе руки-ноги.

Так, невольная попытка вместо одного Некрасова предъявить другого на феодосийской базе, совсем вроде бы не имеющая отношения к Николаю Алексеевичу Некрасову, вызвала у Всеволода Николаевича несколько типов обращения к некрасовской теме.

Неожиданно получился Некрасов, как бы растиражированный за пределами литературы.

За ту августовскую поездку Всеволод Николаевич несколько раз при смене погоды повторял фрагмент из стихотворения Николая Некрасова «Деревенские новости»:

Как-то шумлив и легок
Дождь начинается летний,
И по дороге моей,
Светлые, словно из стали,
Тысячи мелких гвоздей
Шляпками вниз поскакали...

Комментировал его семантическую остроту и визуальную убедительность, заостряя внимание на последних строках, в которых описано детально количество и движение гвоздей, их вид. Вспоминал еще и «Кому на Руси жить хорошо»:

У богатого,
У богатины
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился...

«Гвоздь» вообще был нередкой деталью в некрасовских устных рассказах о Мариуполе в августе 1986 г. и ассоциировался — по нашим ощущениям непосредственного свидетеля — со стихами Николая Некрасова, хотя и неочевидным образом. Так, работа сапожника, обычно сидевшего на Монтажной улице в районе Старого Базара, привлекала внимание Всеволода Николаевича своими ритмическими движениями, и особым цветом «мелких острых гвоздей», «синеватых, сверкающих на солнце», и тем, как «он ловко сгребал их в пригоршню и вгонял в подошву. А наверху шляпки блестели».

Центральное свойство поэтического слова Николая Некрасова Всеволод Некрасов определял как «гвоздевую» прочность «речи, входящей, как гвоздь», в фактуру образа или сюжета. Такое понимание природы некрасовской поэзии, сопоставимой с заколачиванием гвоздей, подтверждается, как замечал Всеволод Некрасов, и ритмами поэзии Николая Некрасова, ее иногда словно бы монотонным стуком:

Тошен свет,	Крова нет,
Хлеба нет,	Смерти нет.

Всеволод Некрасов говорил, что эти «гвозди» некрасовского стиха «всё отменили и настучали: нет-нет-нет. Даже и смерти нет».

С таким восприятием поэзии Николая Некрасова у Всеволода Некрасова было связано особое и необычное толкование стихотворения «Уныние» (отсылающего к пушкинской «Осени»); в «Унынии» есть образ «молотка» «над мыслью» поэта, и Всеволод Некрасов, вопреки наиболее очевидному прочтению этого места как описывающего внешнее враждебное давление на поэта, предпочитает понимать «молоток» как необходимое условие творчества.

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, наваянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса, — и тем я дорожу.
Я *сам себя*, читатель, *нахожу*,
А это всё, что нужно для поэта.

«Молоток», по словам Всеволода Некрасова, активный участник действия, держит ритм; он виновник неудобной ситуации, когда автор вынужден использовать момент в зазоре между ударами. Зазор — передышка; в моменты такой передышки происходит контакт автора с читателем. Некрасов сообщает об этом читателю напрямую, потому что и читатель по-своему зависит от молотка. «Я *сам себя*, читатель, *нахожу*...» У Николая Некрасова нащупывание слова в промежутках между ударами молотка и есть описание сути поэтического процесса, перехода из одного состояния в другое. Как замечал Всеволод Некрасов, тут видно и сходство, и глубокое различие с Пушкиным. «Душа стесняется лирическим волнением, / Трепещет и звучит, и ищет, как во сне...». У Пушкина минута. Некрасов на полчаса забывает о молотке, и в эти деловые полчаса передышки и рождается поэзия. У Пушкина «ищет» душа. У Некрасова автор сам себя «находит».

В рассуждениях Всеволода Некрасова закономерно возникло стихотворение Мандельштама «Квартира тиха, как бумага...» (1933), где вместе с именем Некрасова появляются «гвозди» и «молоток»:

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Всеволод Некрасов говорил, что «мандельштамовская “Квартира...” — стихотворение злое, саркастическое, со сжатыми зубами». Каждая строфа — злобная картинка, карикатура, обвинение, которое Мандельштам бросает всем, и прежде всего самому себе, согласившемуся читать пайковые книги, ловить пеньковые речи (добавим, что злость, обращенная на самого себя, — характерная лирическая интонация Николая Некрасова). Николая Некрасова и Мандельштама сближает злость: «Некрасов появляется в предпоследней строфе как сконцентрированная ярость».

Отсылку к Николаю Некрасову, содержащуюся уже в самом слове «злоба», И. З. Серман находил, например, в «святой злобе» «Двенадцати» Блока [9, с. 197]; у Мандельштама эта связь проявлена открыто.

Злость Николая Некрасова Всеволод Некрасов понимал как основу его поэтического слова. Всеволод Некрасов, разумеется, помнил книгу Чуковского «Мастерство Некрасова» (в интервью Вл. Кулакову вспоминал, что читал ее еще школьником и любил), где показано, что «специфически осмысленным словом было в поэзии Некрасова слово “злоба”, “озлобленность”, “злость”, которым он с демонстративной настойчивостью окрасил всю свою раннюю лирику» [11, с. 318].

Заметим, что интерпретация Всеволода Некрасова, представляющаяся нам точной, хотя явно обусловленная не только внимательным чтением Мандельштама, но и особенностями собственного творческого темперамента, существенно расходится с позднейшим толкованием «Квартиры», предложенным Ф. Б. Успенским, который не считает, что у Мандельштама некрасовская «мучительная злость» подается как безусловная ценность или, по меньшей мере, как нечто совершенно оправданное. «Гвозди» напоминают Ф. Б. Успенскому не только о сатирических

стихах Некрасова, обращенных к В. Ф. Одоевскому, но и о рассказе Фета, утверждавшего, что гвозди «за каретой», о которых так гневно пишет Некрасов в «Сумерках», были и на собственной карете поэта: «вооруженный молотком, вколачивающим гвозди, он едва ли может служить олицетворением неподкупности и чистоты идеалов шестидесятничества. Скорее, он воплощает мучительное противоречие между убеждениями и соблазном благополучия и личного комфорта...» Независимо от интерпретации семантики отдельных фрагментов стихотворений, Ф. Б. Успенский, однако, также видит в стихах Мандельштама «след Некрасова <...> в образном и ритмическом строе ноябрьского микроцикла, но и в жанровой специфике <...> отпечаток сочетания гражданского пафоса и той своеобразной автосатиры («мучительной злости?»), которая была столь свойственна Некрасову» [10, с. 34–39].

Присутствие Николая Некрасова как персонажа Всеволода Некрасова не исключал и в следующей строфе, не вполне поддающейся комментированию:

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать —
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

Образность финала полемически напоминает о высокой поэтической традиции и противопоставлена ей:

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

(Добавим, что само столкновение «античного» и грубо бытового у Мандельштама тоже может восходить к Николаю Некрасову; ср.: «Нет, музы ласково поющей и прекрасной...»).

Напомним, что наблюдения Всеволода Некрасова над «Квартирой» сделаны в 1986 г., т. е. задолго до того, как эти некрасовские аллюзии у Мандельштама начали обсуждать исследователи.

II. В связи с подготовкой к републикации статьи «Некрасов и Лермонтов (сравнительный анализ ритмов и рифм)» в сборнике «Пакет» [3, с. 17–28] Всеволод Некрасов в разговоре с Е. Н. Пенской 7 марта 1996 г. говорил о «некрасовском» в творчестве своих

любимых поэтов — Слуцкого и Мартынова, вспоминая, в частности, их стихи, где Николай Некрасов прямо назван:

Поэты похожи на поэтов.
Все. Кроме самых лучших.
Прекрасный Надсон,
снедаемый чахоткой благородной,
овеянный златоволосым ветром, —
похож.
Некрасов, плешивый,
снедаемый неблагородной хворью,
похож не на поэта — на дьячка.

«Тут понятная ирония», — говорил Всеволод Некрасов. Но дело не только в ней. Дело в том, как смотреть и что видеть. У художника Владимира Немухина есть работа «Город, где живут поэты поэтов» [в коллекции В. Н. Некрасова; передана нами в ГМИИ. — *Е. П., Г. З.*]. Он умеет превращать поверхность в «контррельефную плоскость». Контуры поэтов разноцветные и кажутся шершавыми. Вот так и у Слуцкого. Он выставляет неприглядный ракурс. Некрасов — противный, плешивый, Блок и того хуже... А во второй части у Слуцкого еще интересней. Пришел «другой» художник (у него разные маски: он же чтец и он же скульптор) и по-своему отретушировал безобразие. Получилась у Слуцкого и басня, и аллегория, и карикатура, и речевая пантомима с ремарками.

В этом же разговоре Всеволод Некрасов вспоминает еще одно написанное в семидесятые годы стихотворение: «Явление Тютчева» (1970) Леонида Мартынова, об «остром глазе» Некрасова, «увидевшего» Тютчева. «Затучило, затучило... / Кто выступит за Тютчева? / Еще не грянул час его, / И острый глаз Некрасова / Средь сумрака зыбучего...»

Всеволод Некрасов напомнил, что имя Некрасова стало пропуском для Слуцкого в литературу эпохи оттепели (Некрасова и Слуцкого сравнивал И. Эренбург: «<...> Он знает словарь, интонации своих современников. <...> Он не боится ни прозаизмов, ни грубости, ни чередования пафоса и иронии, ни резких перебоев ритма... <...> если бы меня спросили, чью музу вспоминаешь, читая стихи Слуцкого, я бы, не колеблясь, ответил — музу Некрасова» [12]).

Появление имени Николая Некрасова в стихах Слуцкого и Мартынова Всеволод Некрасов считал значимым: и Слуцкий, и Мартынов взрывают лирическую гладкопись, втаскивают в поэтическую речь то, что и раньше до них, и при них, и после было «вне закона», говорят голосом современника-читателя, снимают границу между стихом и прозой, специально аритмизируя речь, сближая ее с газетным языком. Важно и то, про что они оба пишут: не про любовь и розы, а про страдание. У Слуцкого «гвозди» еще острее, чем у самого Некрасова:

Пришла Беда. Настала, приключилась.
Не гостевать — сожительствовать ко мне.
К сети моих деяний подключилась,
засела в мысли, словно гвоздь в стене.
(*«Несчастья — были. Умифали други»*)

Я — ржавый гвоздь, что идет на гроба.
Я сгложу судьбине, а не судьбе.
Покуда обильны твои хлеба,
Зачем я тебе?
(*«Завяжи меня узелком на платке»*)

Всеволод Некрасов замечал, что «злоба дня» у Слуцкого не метафора. Он метафору размыкает и настойчиво напоминает: «злоба дня» — речевая подлинная реальность:

Пресс бил по виллису.
Пресс мял сталь.
С какой-то злобой сплющивал, коверкал.
(*«Возвращаем лендлиз»*)

Все казалось: две строфы осталось,
Чтоб в лицо бессмертью посмотреть.
С тихой и внимательною злобой
Глядя в торопливый циферблат,
Он, как сталь выдерживает пробу,
Выдержал балладу из баллад.
(*«Баллада»*)

Я кипел тяжело и смрадно,
Словно черный асфальт в котле.
Было стыдно.
Было срамно.
Было тошно ходить по земле.

<...>

Все глядят с молчаливой злобой

И твоих оправданий ждут.

(«В январе»)

В статье «Некрасов и Лермонтов», опубликованной в 1971 г. только под именем А. И. Журавлевой, но придуманной, видимо, вместе со Всеволодом Некрасовым (о первоначальной пространной редакции этой статьи, обнаруживающей это соавторство, см.: [4]), предлагается один принципиальный ход: некрасовская пародия объясняется как максимальная концентрация на чужом — лермонтовском — материале, затем отталкивается от него. «И происходит некоторое чудо: в момент наиболее полного освоения популярной лермонтовской мелодии, растворения в ней... мелодия становится некрасовской» [3, с. 23].

В 1996 г. Всеволод Некрасов возвращается к этой своей давней идее и применяет ее теперь уже к рецепции творчества самого Николая Некрасова: Слуцкий и Мартынов осваивали его, только не через пародию, а через возвращение его слова, — и здесь, как когда-то у самого Николая Некрасова, осваивавшего Лермонтова, «происходит некоторое чудо», возникает самостоятельная мелодия: слуцкая, мартыновская, сохранившая ядро Некрасова.

Заметим, что в 1990-2000-е гг. о продолжении некрасовской линии в поэзии Слуцкого и Мартынова упоминают нередко, но говорят об этом в самых общих словах [1; 8].

III. Когда в марте 2001 года ушел из жизни Виктор Кривулин, редакция сетевого издания «Русского журнала» (собственно, Е. Н. Пенская) попросила Всеволода Некрасова поговорить о нем. Интервью было дано, но не опубликовано; и в нем есть фрагмент, посвященный отношению Кривулина к Николаю Некрасову, — отношению, которое представлялось Всеволоду Некрасову важным и характеризующим Кривулина.

Если для разговора о Слуцком имя Николая Некрасова кажется почти неизбежным (не только Эренбург сравнивал Слуцкого с Некрасовым: и сам Слуцкий говорил о Некрасове как о самом своем любимом — в определенную эпоху развития — поэте), то связь имен Кривулина и Николая Некрасова представляется неожиданной: к «некрасовской традиции» Кривулина отнести вроде бы трудно... М. Я. Шейнкер, друг Кривулина, после смерти

поэта готовящий к публикации его стихи, на наш вопрос об отношении Кривулина к Николаю Некрасову ответил так: «...Это была ревность и даже зависть к временам, когда можно было так писать и такую нишу в культуре находить. В сущности, это было серьезное, внимательное отношение: как к чужому, но важному... Кривулин как будто пытается заменить те цепи, которыми нас насильственно приковывали к некрасовской традиции, совсем другими, сложными (нейронными) связями. Поэтому у него Некрасов всегда появляется в таком, я бы сказал, болезненно-ироническом контексте. Прежде всего это противопоставление прямого, лобового высказывания и времен, когда оно было возможно, невозможности такого сейчас. В то же время и констатация того, что Некрасов настоящий — совсем не то, что Некрасов с портрета и из учебника. Непосредственное восстановление прерванных связей для Кривулина — это Баратынский, Анненский, ну и Мандельштам, а с Некрасовым другое: не восстановление, но создание новых связей, вопреки, якобы, мнимо существующим» (из личной переписки, апрель 2021 г.).

Как и в случае со Слуцким и Мартыновым, вспоминаются прежде всего такие стихи, где Николай Некрасов прямо упомянут:

Словно умирающий Некрасов,
приподнявшись на локте,
некрасив и одноразов
день, забытый в пустоте.
(«Сон и дождь», 1972)»

Город бездомных людей обнажается вечером нежным.
Где же Некрасов со сворой своих гуманистов?
Где либеральная пресса с ее состраданием прежним?
Все пережито, закрылось крылом серебристым.
(«Город бездомных людей», июнь 1978)

По-некрасовски, как город «бедных людей», может быть изображен в стихах Кривулина Ленинград-Петербург, даже и тогда, когда прямых реминисценций из Некрасова нет и имя его не названо:

Сумерки. Дождик частит.
Тусклые вспышки на черном.
Тускло зрачок твой блестит,
Влагой ли, злобой налит,

Духом ли тронут тлетворным
Свалок, каналов, обид.
(«Обводный канал», 1971)

Всеволод Некрасов замечал у Кривулина и «гвозди», вспоминая соответствующие стихи в одном ряду с теми, где названо имя Николая Некрасова (хотя реминисценций из Некрасова тут, видимо, не предполагал):

...но блудными детьми вернемся к ней.
Он только след и ржавчина гвоздя —
насквозь его, всё явственней сквозя,
всё чище и бедней...
(«Наследующему – 9.05.75 »)

Стихи Кривулина «Пейзажъ» (1972) Всеволод Некрасов слышал в авторском чтении и вспоминал как «некрасовские» сами его интонации, «хитроватые и как бы подмигивающие» (заметим, что если говорить о более очевидной литературной традиции, к которой восходит «Пейзажъ», то это более непосредственным образом Хлебников и ОБЭРИУ):

Среднерусский малый дед
полосатые портки
через голову надев
из веревки вьет очки
время шарит на столе
где разложен инструмент
шило гвозди кожемит
клей пахучий как болото
где муха жирная лежит
к деду в полуоборота...

Всеволод Некрасов считал, что Кривулин, обращаясь к Некрасову, в данном случае занимается расчисткой завалов, отбором, проверкой на слух и чутье. И Николай Некрасов помогает в поисках другого, человеческого языка за пределами скомпрометированного, в выработке своей интонации.

* * *

В собственно стихах Всеволода Некрасова есть один очень устойчивый мотив, возникающий в семидесятые и появляющийся и в поздних стихах: Николай Некрасов вспоминается как *тот самый Некрасов*, по отношению к которому Всеволод — *не тот*:

Вообще конечно
<...>
не тот Некрасов...

какой
я Пушкин

я кто
Некрасов

не тот Некрасов
и еще раз не тот

не хвастаюсь я
а хочу сказать

с вас
и такого хватит

а авось я не последний некрасов...

Некрасов третий (второй, конечно, был Виктор) окликает первого и своим отказом признать тождество парадоксально восстанавливает связь, непрерывность истории русской поэзии.

Список источников и литературы

1. *Быков Д.* Сборник стихов Бориса Слуцкого «Время» // Д. Быков. Время изоляции. 1951–2000. — М.: Эксмо, 2018.
2. *Горелик П., Елисеев Н.* Борис Слуцкий и Илья Эренбург / П. Горелик, Н. Елисеев // Новый мир. — 2009. — №7.
3. *Журавлева А. И., Некрасов В. Н.* Пакет / А. И. Журавлева, В. Н. Некрасов. — М.: Меридиан, 1996.
4. *Зыкова Г. В.* «Ямбы и не-ямбы»: Вс. Н. Некрасов как соавтор работы А. И. Журавлевой «Некрасов и Лермонтов» (1971) // Карабихские научные чтения: музей — усадьба — литература. Материалы научной конференции (Ярославль, 5–6 июля 2018 года). — Ярославль: Академия 76, 2018. — С. 35–40.
5. *Кружков Г.* Три заметки о стихах Мандельштама / Г. Кружков // Знамя. — 2015. — №10.

6. *Некрасов Вс.* Памяти тети Маруси. — Текст электронный. — URL: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/Stihi_90x-8.html (дата обращения: 24.04.2021) — Загл. с титул. экрана.
7. *Некрасов Вс.* Геркулес. Стихи 1956–1983 / Вс. Некрасов. — Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2012.
8. *Серман И. З.* Мера времени Бориса Слуцкого // И. З. Серман. Свободные размышления. Воспоминания. Статьи. — М.: НЛО, 2013. — С. 273–286.
9. *Серман И. З.* Поэзия любви и злобы // Серман И. З. Свободные размышления. Воспоминания. Статьи. — М.: НЛО, 2013.
10. *Успенский Ф. Б.* Молоток Некрасова и карандаш Фета: О гражданских стихах О. Э. Мандельштама / Ф. Б. Успенский // Toronto Slavic Quarterly. — Spring 2009. — № 28. — С. 34–39.
11. *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова / К. И. Чуковский. — М.: ГИХЛ, 1955.
12. *Эренбург И. Г.* О стихах Бориса Слуцкого / И. Г. Эренбург // Борис Слуцкий: воспоминания современников. — СПб.: Журнал «Нева», 2005. — С. 9–20.